

Новые Известия — 2002. — 7 авг. — с. 7. Балерина assoluta

Завтра легенде русского балета Наталье Дудинской исполняется 90 лет

Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»

В списках Ленинградского академического театра оперы и балета им. С.М.Кирова она значилась ведущей солисткой. Положенно-го ей по заслугам звания балерины, принятого в императорских театрах, в советское время не существовало. Но более всего Наталья Михайловне приличествовал бы титул балерины assoluta, абсолютной балерины, балерины балерин. В Италии позапрошлого века им удостаивали артисток, имевших исключительное право на главные партии.

Гранд-дама петербургского театра, Дудинская всегда стремилась к абсолюту. Ее целью неизменно оставалась предельная танцевальная планка, балет высших достижений. Она танцевала долго, по собственным словам, «тридцать лет и три года», намного перекрыв положенный двадцатилетний срок. Танцевала в полную силу, не упрощая технических сложностей, так что работавшим с ней балетмейстерам не приходилось делать скидку на «уходящую натуру». Абсолютная виртуозность не изменяла ей и в очень зрелые годы, а в пору расцвета выглядела почти неправдоподобной. Как, например, фантастические, в пять туров вращения, которые сохранила пленка 1940-х годов, запечатлевшая Дудинскую и Вахтанга Чабукиани в «Баядерке».

Ее одержимость поражала даже профессионалов. Когда штормом завинчивая двойные туры, она приближалась, подобная смерчу, муж и партнер Константин Сергеев молился об одном: лишь бы удержать равновесие, принимая в руки этот вихрь, эту стихию. Зрители платили ей тем же, близким к предельному накалом эмоций. Сергеев вспоминал, как на последних аккордах выхода Китри в зале вспыхивала овация, и он никогда не слышал музыки своего антре, подчиняясь только палочке дирижера.

Она хотела танцевать все. «Лебединое озеро», «Баядерка», «Шелкунчик», «Спящая красавица», «Раймонда», «Жизель» были исполнены ею во всех ленинград-

Она танцевала в Мариинке тридцать лет и три года, а теперь не заходит в родной театр.

ских редакциях. Из семнадцати спектаклей, созданных театром с 1944 по 1960 год, когда балерина вышла в последней своей премьере — «Маскараде», она не участвовала только в пяти. Потому что соблюдала старое театральное правило: танцует сама — не танцуют соперницы. Конкуренткам Дудинская шанса не давала. Выступала в любом состоянии, ни разу не отменив афишного спектакля. Читала приметы, бесконечно перешивая «счастливые» тесемки с изношенных туфель, и даже, как утверждала злая молва, в день чужого спектакля могла поставить свечу с молитвой о его неудаче. Как бы там ни было, в послевоенное пятнадцатилетие ее

балеринское первенство было неоспоримым. Другая звезда Кировского балета, Алла Шелест свою первую подлинную премьеру — Эгину в «Спартаке» — получила лишь в девятнадцатый сезон службы.

Нельзя сказать, что Бог и природа одарили Дудинскую безоглядно щедро. Ее не признали сразу и безоговорочно, как Марину Семенову, и не любили столь трепетно, как Галину Уланову или Татьяну Вечеслову. Терпение и труд были ее постоянными спутниками. Она сделала себя сама и уже без малого сорок лет помогает «делать себя» другим. В школьной педагогике ей, ученице великой Агриппины Ва-

гановой, свойственно то же абсолютное отношение к профессии. Она работает с опережением: в шестом классе захватывает часть программы седьмого, в седьмом учит по восьмому, а восьмой делает классом совершенствования, этапом шлифовки сложнейшей техники классического танца.

У этого метода есть противники, но результат налицо. Из ее класса вышла современная легенда Мариинского театра Ульяна Лопаткина. И Анастасия Волочкова, ныне поругиваемая за технические огрехи, в момент окончания курса выглядела несравненно лучше. Сегодняшний класс японских девушек Наталью Михайловну радует: «Они работают, если что-то не получается, себя не пожалеют, но добьются».

В свои преклонные годы она полна энергии. В перерывах между занятиями в академии много ездит: бывшие ученицы приглашают ее консультировать постановки классики. В Бостоне помогала ставить «Баядерку», в Италии — «Корсара». Многочасовые перелеты переносятся легко, удивляется, когда ей делают комплименты по поводу того, как она хорошо выглядит («а разве можно иначе?»).

В родной Мариинке не бывает («просто не хочется»). Эксперименты с классикой считает ошибкой («теперь в Мариинском театре не любят балет и не желают его видеть»). «Шелкунчика» Михаила Шемакина не смотрела («не понимаю балет, где нет танца, и главное — художник»). Недавняя переделка «Баядерки» ее также не вдохновляет («я жалею о том, что театр делает глупости»). О реставрированной «Спящей красавице», после которой перестала ходить в театр, высказывается еще резче: «У нас был прекрасный спектакль Петипа в редакции Сергеева... То, что становится классическим, исправлять нельзя. Нельзя коверкать прекрасное». Ее можно понять. Для 90-летней Натальи Дудинской «прекрасное» не просто очередная редакция, за которой следует другая, а упоительная, невозвратная молодость, сладкая слава и неограниченная власть, власть балерины assoluta.